

Н. П. Шмелев¹ QUO VADIS, РОССИЯ?

Перелом, который сегодня переживает Россия, — далеко не первый в ее многовековой истории. Российский народ, скорее всего, преодолеет в конечном счете и нынешний кризис, как уже не раз это было в прошлом. После периода разброда и всеобщего замешательства в России всегда наступала эпоха солидарности, нового подъема духовных и материальных сил страны. И сегодня, нисколько не преуменьшая трудностей, стоящих перед современной Россией, все же нет оснований считать, что испытания, связанные с переходом к новой общественной системе, лишили российского человека главного — естественного чувства самосохранения, жизненной энергии, стремления обеспечить надежное будущее себе и своим потомкам.

Как бы ни складывалась геополитическая картина мира в прошлом и какие бы перемены ни ожидали мир в будущем, Россия была и всегда будет Европой. Но особой Европой: беспокойной, непредсказуемой, во многих отношениях отсталой, с огромным, но пока еще слабо используемым природным и интеллектуальным потенциалом, со своими специфическими, подчас самодовлеющими интересами на периферии евроазиатского континента и в других регионах мира — и все-таки Европой.

Россия — неотъемлемая, органичная часть европейской культуры, европейской цивилизации. Однако часть настолько своеобразная, что не раз в новейшие времена ее западные соседи приходили к выводу: лучше бы этой страны и вовсе не было на карте. Ибо, по распространенному на Западе мнению, ничего конструктивного, кроме постоянного беспо-

койства и стремления диктовать свою волю другим, от нее в истории не исходило, особенно в XX веке. К сожалению, этот взгляд и сегодня все еще диктует многое в политике Запада по отношению к уже другой — новой, демократической, рыночной и неконфронтационной России.

Да и относительно всего исторического прошлого России подобное мнение никак нельзя признать справедливым. За свою тысячелетнюю историю Россия являла пример не только ложных устремлений. Россия преградила путь в Европу всеокрушающему натиску татаро-монгольских орд, она в конечном счете поставила пределы османской экспансии, о нее разбились бредовые мечты Наполеона и Гитлера о всемирной гегемонии, включая, между прочим, и такое воистину дьявольское порождение тоталитарной идеологии, как Холокост.

Определенная обособленность России от остальной Европы является, конечно, следствием не только длительной разнонаправленной игры политических сил. Эта обособленность объективна, и сомнительно, что она может быть в близкой перспективе полностью преодолена. Причины тому — самые разные. Конечно, играют свою роль необъятные размеры страны, суровость климатических условий, историческое наследие. Но главное, что имеет значение сегодня: у России и у остальной Европы — разные задачи. То, что предстоит сделать России, если она окончательно не утратит инстинкты самосохранения, остальная Европа уже в основном сделала, а именно: освоила свои территории, построила высокоэффективную рыночную экономику, добилась достойного человека уровня жизни и создала гражданское, правовое общество.

Необходимость решения этих базовых цивилизационных задач определяет сегодня основное русло национального развития России в XXI веке, ее главный национальный интерес. Сколько времени понадобится новой России, чтобы решить подобные задачи, предсказать не возьмется, наверное, никто. Ясно, что в любом случае это потребует не лет и не десятилетий, а поколений. При благоприятном развитии событий можно, однако, с высокой степенью уверенности ожидать, что барьеры, отделяющие пока Россию от остальной Европы, будут и дальше

¹ Академик Российской академии наук, директор Института Европы РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. книг: «Авансы и долги. Вчера и завтра российских экономических реформ», «Европа вчера, сегодня, завтра», «Европа и Россия. Опыт экономических преобразований», «Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье-Черноморье-Каспий», «Международные отношения», «Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности)», «Россия в многообразии цивилизаций» и др. Автор романов «Сильвестр», «В пути я занемог», сборников рассказов и повестей «Последний этаж», «Спектакль в честь господина первого министра», «Пушкинская площадь», «Ночные голоса» и др. Многие произведения переведены на иностранные языки. Член Экономического совета при Правительстве РФ. Член Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации. Член Союза писателей Москвы, Союза журналистов России.

постепенно устранившись, открытость ее по отношению и к европейским соседям, и ко всему миру будет возрастать, а взаимопроникновение и взаимопереплетение экономических, научно-технических, культурных и прочих факторов на пространстве от Атлантики до Владивостока будет лишь усиливаться.

Если не говорить о некоторых присущих любому обществу крайностях, то именно на этой конструктивной основе преодолевается сегодня в России длительный исторический спор между западниками и славянофилами. Жизнь убедительно доказала бесплодность этого спора: попытки России идти против течения, против основного потока современной цивилизации ни к чему хорошему не привели. Грандиозный по своим масштабам и жестокости эксперимент, направленный на искусственное создание какого-то иного, отличного от всего остального мира человека, оказался полностью несостоятельным. Стремление к материальному благополучию, как выяснилось, присуще российскому человеку в той же мере, как и любому другому. И российский менталитет — по природе своей тоже европейский, христианский менталитет. Основу российских духовных ценностей составляют те же самые десять библейских заповедей и Нагорная проповедь, которые определяли и определяют мировоззрение европейского человека, всей европейской цивилизации, где бы территориально на Земле она сегодня ни располагалась.

Конечно, российскому менталитету присущи определенные особенности, объясняемые просторами и малонаселенностью страны, постоянным внешним давлением и изначальным господством в России византийской версии христианства, в которой основной упор всегда делался не на ответственность индивида, а на соборную, коллективную ответственность людей перед Богом. Отсюда еще сохранившиеся в России, прежде всего в деревне, остатки общинного мировоззрения, общинной психологии, выражающиеся, например, в недоверии к частной собственности на землю и стремлении все же сохранить давно уже обанкротившиеся коллективные формы хозяйства (преимущественно как своего рода социальную страховку). Этим же объясняется и стойкая приверженность российского общества к повышенной ответственности государства за социальное положение самых различных слоев населения.

Драматическая история России в XX веке породила к тому же новые психологические комплексы, в частности не только внешнее, за рубежом, но — что особенно печально — и внутреннее, собственное отношение к российскому человеку как к плохому, ленивому работнику, равнодушному, вороватому, лживому, зачастую спившемуся. Подобное отношение в высшей степени несправедливо: нельзя забывать, что уже четыре поколения россиян работают за нищенскую зарплату, в десятки, а то и в сотни раз меньшую, чем люди той же квалификации в нормальных цивилизованных странах. Неудивительно, что между российским человеком и российским работодателем в лице государства, а теперь и в лице предпринимателя давно уже сложился своеобразный конкордат: как вы нам платите, так мы вам и работаем. Истекшее столетие приучило также российского человека ни в чем

не верить ни государству, ни бизнесу, ни общественным организациям, ни жизни вообще. И новые времена для «человека с улицы», к сожалению, пока еще мало чем отличаются от прежних, советских: такие «демократические» акции, как повальная конфискация всех сбережений населения в 1992 году, или скоропалительная дармовая приватизация и по существу криминальный раздел общенародной собственности между узким кругом лиц, или государственный грабеж в результате дефолта 17 августа 1998 года, по сути, вполне были в духе того, что творили большевики начиная с октября 1917 года.

Показательно, однако: как только российский человек попадает в более или менее нормальную обстановку, скажем, перебравшись на постоянное место жительства в одну из западных стран, он, как правило, мгновенно превращается в самого добропорядочного гражданина, трезвого, бережливого, доброго семьянина, надежного соседа, старательного, изобретательного работника, законопослушного налогоплательщика и т. д. Дело, следовательно, не в особой природе, не в особом менталитете российского человека: он не хуже, не глупее и не ленивее других. Дело в тех условиях, в которых его вынуждает жить окружающая среда.

Нельзя также не видеть, что за годы реформ российский человек впервые распробовал вкус свободы, что выросло уже целое дееспособное поколение, которое никаких других условий, кроме условий свободы, даже и не знает в своей жизни. Звучит, конечно, несколько цинично, но старшие поколения, выросшие в условиях несвободы и привыкшие больше полагаться на партию, государство, вождя, а не на самих себя, скоро вымрут. А у идущих за ними поколений уже сложился или складывается преимущественно иной менталитет — европейский менталитет свободного человека, индивида, который сам выбирает свою дорогу и самостоятельно строит свое счастье. Вполне вероятно, что через 30–40 лет, если в мире не произойдет ничего воистину катастрофического, «российский менталитет» станет в основном таким же, как во всех других цивилизованных странах. Только не исключено, что более молодым, более энергичным и устремленным в будущее, чем там, где европейская цивилизация уже успела несколько одряхлеть.

Конечно, образовавшийся сегодня духовный и нравственный вакуум, всеобщая растерянность, потеря жизненных ориентиров — это трагедия нынешних поколений россиян. Но и это, надо надеяться, тоже дело поправимое: не может народ великой и, по сути, столь еще молодой страны долгое время жить в состоянии растерянности: что-то жизнеспособное он непременно найдет — если угодно, найдет свою национальную идею, свой национальный идеал. Но это, конечно, не может быть национальная идея, сконструированная искусственно откуда-то сверху. Все, что можно изобрести искусственно, Россия уже давно изобрела и, более того, испробовала на практике. Были в ее истории и идея державности, и идея безудержной территориальной экспансии, и идея «соборности», и поиски какой-то «высшей духовности», и попытки построить какое-то новое, выду-

манное кучкой безжалостных теоретиков общество, и идея силой перекроить и перестроить под себя весь остальной мир — все было, все она уже проходила. До конца, кажется, использован и фактор возможного врага: вряд ли можно сплотить сегодняшнюю Россию всерьез и надолго на основе антиамериканизма, или антиевропеизма (включая традиционное недоверие к Германии), или «желтой опасности», или угрозы «исламского фундаментализма», или борьбы против какого-то очередного внутреннего врага. Российский народ просто устал от кровавых трагедий невероятных масштабов и насилия, которые ему довелось испытать в XX веке... Конечно, и сегодня российский человек готов защищаться от врага (последняя чеченская война это показала). Но такая защита, очевидно, — это не то, на чем можно построить процветающее государство и нормальную человеческую жизнь.

Одного пока Россия не пробовала всерьез за свою историю: осуществить идею конструктивности, созидания, строительства, заботливого, бережного обустройства повседневной жизни как одного человека, так и общества в целом. Вернее, даже это она пробовала. Но все это почти сразу же выродилось в «египетские пирамиды», «стройки коммунизма», ГУЛАГ, загубленные реки, изуродованные земли, многочисленные промышленные монстры, не производившие ничего, кроме гигантских завалов бесполезного оружия. Все это делалось не для людей и, естественно, воспринималось ими не как личная цель и интерес каждого, а как нечто чуждое, враждебное ему.

Не поверит уже российский человек никакому новому «мессии». А вот во что-нибудь простое, человеческое, обращенное к нему и его семье — поверит. Что-нибудь вроде: «Мой дом — лучший на улице, моя улица — лучшая в городе, мой город — лучший в стране, моя страна — лучшая в мире». Подобные настроения, по многим признакам, начинают все шире распространяться в стране. Пора наконец строить свой дом, сажать цветы, растить детей, мостить дороги, строить школы и больницы. И пора наконец всерьез осваивать те огромные богатства и бескрайние просторы, какими Россию наделила судьба. Этого ей хватит по меньшей мере на несколько столетий, а дальше видно будет, что и как.

Говоря же о том, куда, к какому обществу движется современная Россия, было бы, вероятно, оправданным исходить из того, что с учетом ее прошлого и традиций ей все-таки ближе социал-демократическая модель в европейском варианте, естественно, со всеми поправками на конкретные российские условия. В политике — это законность, демократия, гражданское общество, неукоснительное соблюдение прав и свобод человека при высочайшем авторитете государственной власти. В экономике — господство рынка и частной собственности при активной регулирующей роли государства, социальная направленность экономических решений, максимальный простор для частной инициативы и одновременно строжайшее выполнение общеустановленных правил игры. В социальной сфере — повышение благосостояния всего общества, смягчение социальной поляризации, активная политика занятости, соче-

тание рыночных и вне рыночных методов социальной защиты, гарантированная государством система обеспечения личной и имущественной безопасности граждан. В культуре, науке, образовании, духовной жизни — свобода творческих сил и возможностей человека при максимальной государственной поддержке соответствующих нужд и устремлений общества. Наконец, во внешней сфере — это регулируемая открытость, стремление использовать благотворные силы международной конкуренции и трансграничного движения капиталов, политика мира и укрепление международной безопасности для всех.

Невозможно согласиться с распространенными на Западе утверждениями, что Россия сама сегодня не знает, чего она хочет и что ей нужно делать. Похоже, что в реальности в российском обществе уже достигнута высокая степень согласия в отношении общих контуров социально-экономической стратегии страны на перспективу ближайших десятилетий. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в своих основных положениях нынешние программы наиболее влиятельных общественных партий и движений — и левых, и центристских, и правых — во многом похожи друг на друга (за исключением, разумеется, самых крайних, маргинальных). Исходная мысль всех этих программ в сущности одна и та же: России предстоит строить «социально ориентированное рыночное хозяйство». Ограничители причем те же самые, что и в современной Европе: рыночному хозяйству — да, рыночному обществу — нет.

Выдвижение на первый план идеи строительства, созидания побуждает и к изменениям в отношении внешней политики. Было бы, вероятно, оправдано, если бы Россия перешла на позиции здорового, умеренного, конструктивного изоляционизма. Кроме активных коммерческих и культурных связей, у нее за пределами бывшего Советского Союза не должно быть никаких чрезмерных интересов и обязательств. Пусть мир живет как хочет: перед Россией стоят слишком серьезные внутренние проблемы, чтобы отвлекать свое внимание и ресурсы на что-либо иное. Но поскольку нынешний мир, судя по всему, так же жесток, своекорыстен и беспокоен, как и в прошлые времена, главной гарантией России от всяких неожиданностей должно быть сохранение на достаточно высоком уровне ее оборонного потенциала. Если Россия не допустит в перспективе значительного ослабления ракетно-ядерных сил сдерживания и сохранит компактные мобильные вооруженные силы, способные противостоять любой региональной или локальной угрозе, в системе ее внешнеполитических приоритетов неизбежно выдвинутся на первый план экономические интересы, оттеснив проблему политического влияния в различных регионах (разумеется, за исключением традиционных российских интересов на постсоветском пространстве).

Было уже в истории России весьма плодотворное, но, к сожалению, недолгое время, когда именно такая политика определяла поведение страны на международной арене. Имеется в виду эпоха царствования Александра III. Россия в это время не вмешива-

лась во внешние конфликты, не принимала участия в дележе мира, имела практически открытую экономику и почти открытые границы, строила Транссибирскую магистраль и много чего другого, в высшей степени нужного для страны.

Критерий пользы, выгоды, конкретного интереса должен быть по этой логике именно тем, что необходимо будет стоять во главе угла всей российской внешней политики. «Открываться?» — Да, конечно, «открываться». Но в таком ритме и в таких пределах, чтобы процесс шел в соответствии с древним принципом «не навреди», чтобы это было по силам стране и, безусловно, шло на пользу ее стабильности и перспективам ее дальнейшего прогресса на пути демократии и рынка.

Но этот призыв к определенной умеренности и сдержанности по отношению к внешнему миру отнюдь не означает возврата к психологии «осажденной крепости». Вызов, брошенный международным терроризмом всему цивилизованному миру, нарастающая агрессия исламского фундаментализма, события 11 сентября 2001 года в США, октябрьская трагедия 2002 года в Москве и другие столь же кровавые деяния мирового человеконенавистнического подполья поставили в международную повестку дня задачу объединения всех сил и возможностей цивилизованных стран в борьбе против новых глобальных

опасностей. В складывающемся сегодня всемирном антитеррористическом союзе Россия, несомненно, займет подобающее ей место. Не будет, наверное, преувеличением сказать, что Россия и Запад, все миролюбивые силы современности связаны отныне общей судьбой: им предстоит или вместе погибнуть, или устроить, наконец, на Земле жизнь, достойную Человека.

Более двадцати лет назад Россия стронулась с места и, видимо, никогда уже не вернется в прежнее состояние. При всех ее бедах: падении производства, обнищании населения, разгуле криминала и коррупции, ослаблении власти и других — не следует считать, что российское общество утратило жизнеспособность. Конечно, оно нуждается в определенной передышке: те конвульсии и судороги, в которые его вогнал бездумный азарт реформаторства, оказались слишком болезненными для большинства населения, его терпение сегодня, похоже, уже на пределе. Основная задача российского руководства теперь — внести успокоение в умы и души людей, в окружающую обстановку, вернуть их доверие к государству и веру в будущее страны.

Для этого России не нужна никакая идеология. Ей нужен обыкновенный здравый смысл. И, кажется, есть основания надеяться, что здравый смысл возобладает.